

Это была ловушка! Это была явная ловушка!

Ли Чэн раздраженно кружил по художественному классу, не сводя взгляда с таинственного мольберта с картинами.

Хитрый охотник вырыл ловушку и положил самую привлекательную приманку. Любопытная маленькая дикая кошка кружила вокруг ловушки, неудержимо пытаясь вытянуть лапы и попробовать приманку.

Два голоса гудели в ушах Ли Чэна.

Один был его ангел-разумник, он тряс ошейник и рычал: "Ли Чэн, посмотри на это ясно! Это явно ловушка Сяо Ичэна. Если ты действительно раскроешь картину, он точно над тобой поиздевается!".

Другим был его напарник-демон, дующий ветром мимо его ушей: "Айя, Ли-Гэ, ты действительно великолепный школьный тиран. Сяо Ичэн не позволяет тебе это делать, так что ты просто слушаешь его? Кроме того, сейчас его здесь нет. Ты можешь просто поднять угол, чтобы посмотреть, а затем быстро положить его обратно, он не узнает~".

Два голоса боролись в его ушах, и конечный результат не был неожиданным - маленький дьявол одержал подавляющую победу.

Ли Чэн сделал вид, что прочищает горло, заложил руки за спину и медленно подошел к картине, словно руководитель, проверяющий работу.

Серая войлочная ткань была мягко задрапирована на мольберте, закрывая всю картину. Ли Чэн не мог догадаться, что это за пейзаж.

Может быть, под войлочной тканью ничего не было, а может быть, это была намеренно воспеваемая стратегия пустого города.

Ладонь Ли Чэна была слегка горячей. Он взял себя в руки, наконец перестал колебаться и схватил уголок войлочной ткани.

Затем легонько потянул...

-Мягкая ткань соскользнула с мольберта, и Ли Чэн погрузился в глубокую синеву.

Это были волны, прозрачная вода, а поверхность моря состояла из бесчисленных оттенков синего.

Морская вода разделяла солнечный свет на бесчисленные яркие цветовые блоки, которые мягко обволакивали фигуру медового цвета.

Эта фигура принадлежала подростку.

Он плавал - нет, скорее танцевал на вершине волны.

Он был обнажен, но его нагота не придавала картине ощущение разврата. Ему не нужно было надевать ткань, потому что на нем уже были солнечный свет, водные волны и пузырьки.

Лопатки юноши были покрыты равномерными мышцами спины, контуры демонстрировали ямочки спины, соединенные с гладкими и круглыми ягодицами. Он напрягал каждый сантиметр своих мышц, его две длинные руки отталкивали воду, ноги создавали волны, часть золотистых волос медленно колыхалась в море.

Хотя на картине не была изображена внешность подростка, Ли Чэн сразу же понял, что на картине изображен именно он.

Его нарисовал Сяо Ичэн.

Голубая вода, золотые волосы, медовая кожа, оранжевый свет.

В глазах Сяо Ичэна Ли Чэн состоял из этих цветов.

Но Ли Чэн не был просто этими цветами.

Ли Чэн стоял перед картиной, словно его душа была "захвачена" этой картиной. Он потерял всю свою способность двигаться. Он забыл, как говорить и как управлять своим телом. Только его разум все еще вращался, что заставляло его бесконтрольно фантазировать о том, как Сяо Ичэн нарисовал эту картину.

Приходил ли Сяо Ичэн каждый вечер один в художественный класс и спокойно рисовал? Когда Сяо Ичэн рисовал его, о чем он думал и какое выражение было в его глазах? Носил ли Сяо Ичэн такой же грязный фартук, как сегодня, и даже кончики его пальцев были испачканы краской?

Сяо Ичэн... Сяо Ичэн... Сяо Ичэн...

Бесчисленные голоса собрались вместе, а Ли Чэн в оцепенении уставился на картину. Горячая эмоция вспыхнула в его сердце и понеслась по пульсу к конечностям.

Искусство навсегда останется оптимальным мостом для передачи эмоций. В тот момент, когда Ли Чэн понял эту картину, он понял и Сяо Ичэна.

Чувства, более бурные, чем море, более мягкие и нежные, чем кисть, - таков был взгляд Сяо Ичэна, молча наблюдавшего за Ли Чэном.

Ли Чэн не знал, сколько времени он простоял перед картиной. Ход времени уже не имел для него никакого смысла.

Пока -

"Чэнчэн", - раздался голос Сяо Ичэна в его ушах. Ли Чэн не знал, когда альфа вернулся в класс, появился позади него, протянул руки, обхватил его тонкую талию одной рукой, а другой закрыл ему глаза, обнимая его: "Ты нарушил правило".

Все тело Ли Чэна задрожало. Прежде чем он успел оказать сопротивление, его спина врезалась в грудь альфы.

Лишившись зрения, он погрузился во тьму. Только тогда он осознал, что его глаза были очень сухими, и он не знал, как долго он смотрел на картину, даже забывая моргать.

Сяо Ичэн был выше его на пять сантиметров и мог легко держать его на руках.

Альфа слегка опустил голову и прошептал фразу на ухо тому, кто находился в его объятиях: "Непослушный ребенок должен быть наказан".

Ли Чэн почувствовал, как вздрогнул от кончика позвоночника. Он хотел сопротивляться, но почему-то потерял силы для сопротивления.

Возможно, с того момента, как он увидел картину, он уже не мог отказать Сяо Ичэну ни в одной просьбе.

Очень скоро он понял, что Сяо Ичэн имел в виду под наказанием.

Ошейник омеги был стянут, губы альфы обжигали его шею жарким поцелуем, а острые зубы, как у зверя, пронзили его нежную плоть на задней части шеи.

"-Хмм!" Ли Чэн не мог удержаться от жалобного хныканья.

Он был особым омегой, и на задней части его шеи не было никаких следов желез. Согласно здравому смыслу, даже если бы альфа укусил его за шею, он мог бы только почувствовать боль.

Однако в этой боли он почувствовал удовольствие другого рода.

Кровь прилила от сердца к бедренной артерии, и настоящие железы, расположенные глубоко у корня левого бедра, мгновенно стали горячими. Сильный и свежий аромат апельсина был похож на пушистую бомбу, быстро взорвавшуюся в воздухе.

Ли Чэн отчаянно открыл глаза, ища маленький огонек между пальцами, закрывавшими его зрение.

Сяо Ичэн укусил его за шею и, наконец, попробовал аромат крови на кончике языка.

Феромон с запахом кедра был похож на гигантскую сеть. Он плотно обволакивал их обоих, к нему примешивался сладкий апельсиновый аромат, чрезвычайно трогательный.

Очевидно, Ли Чэн еще не вошел в эструс, но теперь его ноги были мягкими и не могли стоять, и он мог только опираться всем своим весом на Сяо Ичэна.

Короткое наказание вскоре закончилось. Сяо Ичэн разжал зубы и стал лизать кончиком языка набухшую рану на шее Ли Чэна, одновременно осыпая его бесчисленными поцелуями.

"Ли Чэн... Ли Чэн... Чэн Чэн...", - повторял он имя Ли Чэна, и с каждым разом эмоции в его голосе усиливались.

Он поднял руку, закрывающую глаза Ли Чэна, и омега, снова увидевший свет, неловко моргнул и снова посмотрел на картину на мольберте.

Ли Чэну показалось, что он смотрит в зеркало. Он увидел себя, плывущего в волнах на картине, а позади него была рука, держащая кисть, чтобы добавить волны вокруг него.

"Чэн Чэн". Сяо Ичэн снова позвал его по имени и повернул его лицом к себе.

Лицо Ли Чэна было на удивление горячим, затылок колючим, а потные светлые волосы прилипли ко лбу. Он был крайне взволнован, словно вожак диких кошек, загнанный в тупик. Он не мог понять, хочет ли человек, протянувший к нему руку, причинить ему боль или подарить теплый дом. Он не осмеливался смотреть в глаза альфы, а только смотрел на кровавое пятно в уголке его рта.

"...Мои железы находятся не в задней части шеи". Он явно хотел задать вопрос другому, но проболтался.

Сяо Ичэн был ошеломлен и тут же рассмеялся: "Я знаю. Мы все знаем".

Он сидел, облокотившись на мольберт, одной рукой обхватив тело Ли Чэна, а другой медленно поглаживая его кровотокающий затылок.

"На этот раз это просто небольшое наказание, наказание за твое непослушание", - в голосе альфы, казалось, был небольшой крючок, - "Если я укушу в другом месте, это будет не наказание, а награда".

"Почему ты такой бесстыжий? Ли Чэн говорил о нем: "Очевидно, это ты заманил меня в ловушку, намеренно искушая совершить ошибку! Более того... только не говори мне, что ты не совершил ошибку?"

"Какую ошибку я совершил?"

Ли Чэн наконец поднял глаза и встретился с ним взглядом: "Почему ты притворяешься глупым?" Омега протянул руку и указал на картину, его уши разгорелись: "Кто позволил тебе нарисовать меня? На картине все еще голый Лаоцзы... голый...".

Он был не в состоянии произнести последнее слово. Он никогда раньше не плавал голышом. Во время тренировок он носил плавки, доходящие до колен, но с кистью Сяо Ичэна на его теле не было даже кусочка ткани.

"Это ошибка?" Сяо Ичэн говорил мягко и нежно, словно читал стихи: "Ли Чэн, ты мне нравишься, поэтому я фантазирую о твоём обнаженном теле, разве это ошибка?"

"Ч-" Хотя Ли Чэн уже догадался, что нравится Сяо Ичэну, он не ожидал, что Сяо Ичэн скажет это таким образом.

"- Я сказал, что ты мне нравишься". Сяо Ичэн сжал обе руки, и его истинное расположение, скрытое под безразличием, наконец, показало вершину айсберга.

Альфа заключил свою любимую омегу в объятия, прижал их лбы друг к другу, кончики их носов коснулись друг друга.

"Ты мне нравишься, поэтому я буду фантазировать о твоём обнаженном теле, - в глазах феникса Сяо Ичэна отражался Ли Чэн, - я буду думать не только днем, но и ночью, и буду рисовать эти фантазии одну за другой. Однажды я заполню художественный музей этими бесчисленными фантазиями, которые будут открыты только для тебя до конца моей жизни."

"..."

"Ты - моя единственная муза и мой единственный зритель".

"..."

"Я могу повторять это столько раз, сколько ты захочешь". Сяо Ичэн осторожно наклонился, не доходя до точки, где он мог бы поцеловать эти красные губы: "Ты мне нравишься, Ли Чэн, ты мне нравишься".

Однако в тот момент, когда губы уже были готовы сомкнуться, Сяо Ичэн остановился.

Потому что Ли Чэн задрожал.

Раньше этот дикарь никогда ничего не боялся и был старшим братом в кампусе. Неожиданно он задрожал.

Глаза Ли Чэна были широко открыты. Он явно смотрел на Сяо Ичэна, но взгляд был расфокусирован.

Он был напуган альфой.

Человек, хорошо умеющий плавать, испугался бурного подводного течения, скрытого под спокойным озером.

Прежде чем он успел это понять, тонкий слой тумана поднялся со дна глаз Ли Чэна, и он устался на Сяо Ичэна, отказываясь признать, что ему страшно.

Сердце Сяо Ичэна смягчилось и внезапно отпустило его.

Ли Чэн мгновенно вырвался из его объятий, и в то же мгновение слезы, повисшие на ресницах мальчика, наконец-то упали.

"Ты..." Ли Чэн забыл все ругательства, которые он выучил, и мог использовать только самый слабый язык, чтобы пожаловаться: "...Сяо Ичэн, ты большой извращенец!".

Затем он пнул ногой картину с обнаженной купальщицей и, не оглядываясь, бросился вон из художественного класса.

Он даже не забрал готовое домашнее задание.

Когда мольберт упал на пол, Сяо Ичэн посмотрел на картину, которую проигнорировал хозяин, и глубоко вздохнул.

"...Похоже, что издевательства были несколько чрезмерными".

<http://bllate.org/book/15731/1408005>